

Получив фоторобот, 38 снайперов не промахнулись

Наша литература испытала редкое чувство: радость оправдавшихся ожиданий. Практически всеобщую радость — за брата во Аполлоне (ну хотя бы и Григорьева)

Овация, крики «Ура!» и «Yeas!» сотрясали в Широкий масленичный четверг (26 февраля) стены не Дворца спорта и даже не Политеха, а библиотеки. Точнее, Овального зала «Иностранки». И причиной этого ликования послужило то, что обычно оказывается яблоком раздора в среде легкоранимых литераторов: оглашение лауреата литературной премии.

Председатель жюри нынешнего года Петр Вайль передал конверт Александру Архангельскому, президенту новенькой Академии российской словесности. И Архангельский объявил победителя: Иван Жда-

нов — за книгу стихов «Фоторобот запретного мира». Вот тут-то все и началось...

Каковы же причины такого всеобщего одобрения, какое прежде демонстрировалось только в советские времена (но протокольно и неискренне)? Если коротко, они просты: наконец-то дали премию не за актуальную биографию (гонения, опала или просто непечатание «при совке»), не за активную «тусовочность», не за принадлежность модному литнаправлению (концептуализм, метаболизм и т. п.) и даже не за «эпохалку».

Наконец лауреатом стал просто поэт. Чем и интересен. Ни литературное поведение Жданова, ни его стихи никогда не были конъюнктурными. Он нечаянно — вопреки или благодаря естественной сложности своих метафор — бывал моден

(тогда его причисляли к мета-метафористам) и неспециально, не афишируя этого, уходил в тень, даже уезжал из Москвы.

Иван Бунин унаследовал от отца утрированную фразу: «Я не червонец, чтобы всем нравиться». С учетом девальвации скажем так: стихи Ивана Жданова — не стоцолларовая купюра, чтобы тоже, в наше время, всем нравиться. Но это и не фальшивая бумажка, выдающая себя за валюту. Они — настоящие. В них есть неожиданность и непредсказуемость слова и образа, то есть напроць отсутствует то, что Мандельштам назвал «переводами готовых смыслов». А это, по моему, лучшее определение зарифмованной *непоэзии*, которая порой сбивает с толку не только читателей, но и критиков.

На этот раз критики проявили свою профпригодность.

И, назвав лучшим литературным произведением года книгу лирики, вселили надежду: вдруг в России от литературы уже начали ждать именно литературы? Не прикладной общественной пользы и даже не ернической рефлексии (суррогата самосознания).

И еще одна наша личная радость. В своей предыдущей заметке, посвященной премии Аполлона Григорьева (см. «Новую газету» № 4), мы дважды угадали: назвав эту премию ДолгоЖДАНОВСКОЙ, а ее основателей — «тридцатью восемью снайперами». Что ж, на этот раз они не промахнулись. Лиха беда начало.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Новая газета - 1998. - 2-8
Март - 16